

Медный кувшин (3 глава)

Энсти Гатри Томас

??????? ??? ????????????

В тот вечер, когда Вентимор шел по направлению к Коттесмору, его думы были крайне непоследовательны или, вернее, представляли собою полный хаос. Мысль, что он сейчас увидит Сильвию, заставляла его кровь течь быстрее, хотя он и решил бесповоротно, что не скажет ей ничего, кроме того, что требует вежливость.

Он то благословлял профессора Фютвоя за счастливую мысль воспользоваться им, то горько размышлял, что для его собственного спокойствия было бы лучше, если бы его не трогали. Сильвия с матерью больше не хотели его видеть; если бы они хотели, то раньше попросили бы его прийти. Несомненно, они будут терпеть его ради профессора, но кто бы не предпочел быть совсем забытым, чем только терпимым?

Чем чаще он будет видеть Сильвию, тем сильнее будет его сердце болеть бесплодной тоской, тогда как теперь он почти примирился с ее равнодушием и скоро совсем излечится, если не будет видеть ее. Зачем же ему видеть ее? Ему вовсе и не нужно входить в дом. Он просто может оставить каталог, прося передать привет, и профессор узнает все, что нужно.

Второй его мыслью было, что он должен зайти, хотя бы для того, чтобы возратить деньги, но он будет спрашивать только профессора. По всей вероятности, его не попросят в комнаты жены и дочери, а если бы и так, то он просто может отказаться, извинившись. Пусть они думают, что это немного странно и даже нелюбезно, но, в общем, они будут так довольны, что даже не станут долго думать.

Когда он пришел в Каттесмор и на самом деле очутился у дверей дома Фютвой, одного из самых элегантных и скромных в этом отдаленном и безукоризненном квартале, то малодушно начал надеяться, что профессора может не быть дома и в таком случае позволительно только оставить каталог, а вернувшись домой, письменно сообщить о своей неудаче на аукционе и отослать деньги.

Профессора действительно не оказалось дома, но Гораций не обрадовался так, как ожидал. Горничная сказала, что дамы в гостиной, и, по-видимому, была уверена, что он зайдет. Тогда он попросил доложить о себе. Он не останется долго, а как раз столько, сколько потребуется для объяснения дела, и даст понять, что он не хочет навязывать им свое знакомство. Он застал г-жу Фютвой во второй половине красивой двойной гостиной за писанием писем, а Сильвия, которая была еще более ослепительна, чем когда-либо, в черном газовом платье с лиловым кушаком и букетиком пармских фиалок на груди, удобно расположилась с книгой в руке в первой комнате. Она как будто была удивлена, а быть может, и раздосадована тем, что ее потревожили.

— Я должен извиниться, — начал он с невольной сухостью в тоне, — что зашел к такое неподходящее время, но дело в том, что профессор...

— Я знаю, вы относительно этого дела, — быстро прервала его г-жа Фютвой, и ее пронизательные светло-серые глаза остановились на нем с холодным вниманием, хотя без неприязни. — Мы слышали, как мой муж бессовестно воспользовался вашей добротой. Правда, ведь это очень нехорошо с его стороны просить такого занятого, как вы, человека, оставить свою работу и потерять целый день на глупом аукционе!

— О, у меня не было никакой особенной работы. Я не могу назвать себя занятым человеком... к

несчастью, — сказал Гораций с гордой откровенностью, не желая скрывать того, что другие уже превосходно знали.

— Ах, это очень мило с вашей стороны не придавать этому никакого значения, но все-таки он не должен был делать этого... после такого короткого знакомства. А еще хуже то, что он неожиданно ушел сегодня, но он скоро вернется, если вы ничего не имеете против того, чтобы подождать немного.

— Это совершенно лишнее, — сказал Гораций, — потому что каталог объяснит ему все. Все вещи, которыми он интересовался, были проданы за гораздо большую сумму, чем он предполагал дать, я не мог купить ни одной из них.

— Я положительно радуюсь этому, — сказала г-жа Фютвой, — потому что его кабинет переполнен всяким хламом, и мне не хотелось бы, чтобы весь дом был похож на музей или антикварную лавку. Мне стоило страшного труда убедить его, что огромный, пестрый, позолоченный ящик от мумии не вполне подходящая вещь для гостиной. Садитесь, пожалуйста, г. Вентимор.

— Благодарю вас, — сказал, заикаясь, Гораций, — я не могу остаться. Если вы будете добры передать профессору, как я был огорчен, не застав его дома, и вручить ему эти деньги, которые он мне оставил на всякий случай, я... я больше не буду вас затруднять моим присутствием.

Обыкновенно он не смущался в обществе ни при каких обстоятельствах, но теперь был охвачен диким желанием бежать, которое заставило его, к его собственному огорчению, держать себя, как робкий школьник.

— Пустяки, — сказала г-жа Фютвой. — Я уверена, что мой муж был бы очень недоволен, если бы мы по удержали вас до его прихода.

— Мне в самом деле нужно идти, — сказал он довольно решительно.

— Мы не должны принуждать г-на Вентимора оставаться, если он так очевидно хочет уйти, — сказала Сильвия холодно.

— Хорошо, я не буду удерживать вас или удержу лишь ненадолго. Не можете ли опустить мое письмо в почтовый ящик, когда будете проходить мимо? Я его почти кончила, и оно непременно должно пойти сегодня, а моя горничная Джесси так простудилась, что мне не хотелось бы посылать ее.

После этого нельзя было бы не остаться волей-неволей.

Ведь это займет только несколько минут! Сколько времени Сильвия может пожертвовать ему! Он не будет беспокоить ее опять. Г-жа Фютвой пошла к письменному столу. Сильвия и он остались одни.

Она села недалеко от него и сказала несколько общих фраз, явно только из простой вежливости.

Он отвечал машинально и с ужасом думал, неужели это та самая девушка, которая так дружески и так очаровательно доверчиво болтала с ним в Нормандии несколько недель назад?

Всего ужаснее было то, что она была очаровательнее, чем когда-либо: ее тонкие руки блистали белизной сквозь черное кружево рукавов, золотые нити искрились в мягких волнах каштановых волос при свете стоявшей сзади нее лампы, слегка нахмуренные брови и опущенные углы губ, казалось, выражали скуку.

— Как страшно долго мама пишет письмо! — сказала она наконец. — Пожалуй, лучше пойти и поторопить ее.

— Нет, пожалуйста, не ходите... разве только вы уж очень хотите избавиться от меня!

— А мне казалось, что это вы уж очень хотите убежать, — сказала она холодно. — И вообще, наше семейство отняло у вас достаточно много времени в один день.

— Не так вы разговаривали со мной в Сен-Люке! — сказал он.

— В Сен-Люке? Может быть! Видите ли, в Лондоне все делается иначе.

— Совсем иначе.

— Когда встречаешься с людьми за границей, они часто кажутся очень милыми в обществе, — продолжала она, — так что невольно считаешь их интереснее, чем они есть в действительности. Потом встречаешься с ними опять и удивляешься, чем только они могли нравиться! И бесполезно притворяться, будто относишься по-прежнему, потому что, обыкновенно, они начинают понимать это раньше или позже. Вам это не кажется?

— Совершенно с вами согласен, — сказал он, сильно задетый, — хотя и не знаю, чем заслужил подобные слова.

— О, я не хотела вас обидеть. Вы были бесконечно добры, я не могу себе представить, как папа мог ожидать, что вы возьмете на себя столько хлопот ради него. И все-таки вы это сделали, хотя, конечно, вам было крайне неприятно.

— Боже мой, да разве вы не знаете, что я был бы только слишком счастлив, имея возможность оказать ему хоть малейшую услугу... или вообще кому-нибудь из вас?

— Судя по вашему виду, когда вы вошли, вы были все что угодно, только не счастливы. Судя по вашему виду, у вас была единственная мысль: кончить это дело как можно скорее. Ведь вы же сами знаете, что теперь вы страстно хотите, чтобы мама кончила письмо и отпустила вас. Неужели думаете, что я этого не вижу?

— Если это верно или верно только отчасти, — сказал Гораций, — неужели вы не можете догадаться почему?

— Я догадалась еще в тот день, когда вы пришли сюда в первый раз. Мама приглашала вас, и вы думали, что нужно же быть вежливым. Может быть, вы и действительно воображали, что вам будет приятно видеть нас опять, но оказалось, что это не так. О, я сейчас же заметила это по вашему лицу, вы сделались холодно-приличным, далеким и ужасным, и это меня сделало такой же. И вы ушли, окончательно решив, что больше не будете видаться с нами, насколько будет это возможно. Поэтому я так страшно рассердилась, когда услышала, что папа виделся с вами и по такому поводу.

Все это было так близко к истине и вместе с тем так искажало, что Гораций счел себя обязанным ее восстановить.

— Быть может, я должен бы оставить дело так, как есть, — сказал он, — но не могу. Это бесполезно, я знаю. Можно мне рассказать вам, почему мне в самом деле было больно встретить вас опять? Я думал, что это вы переменились, что вы хотели, чтобы я забыл, что мы были некоторое время друзьями. И хотя я никогда не упрекал вас, но это сильно задело меня, так сильно, что я боялся повторить опыт.

— Это вас сильно задело? — спросила Сильвия мягко. — Может быть, и меня также немножко. — Однако, — прибавила она с внезапной улыбкой и две очаровательные ямочки появились на ее щеках, — это только показывает, насколько разумнее было выяснить положение вещей. Теперь, может быть, вы перестанете так упорно сторониться нас?

— Мне кажется, — сказал Гораций, все еще настойчиво не допуская себя до прямого признания, — что самое лучшее было бы держаться в стороне.

Ее полузакрытые глаза блеснули сквозь длинные ресницы, фиалки поднимались и опускались на ее груди.

— Мне кажется, я вас не понимаю, — сказала она тоном, в котором звучали обида и боль.

Есть какое-то удовольствие в подчинении соблазнам, оно более чем вознаграждает за предыдущую

муку сопротивления. Будь, что будет, он больше не хотел оставаться непонятым.

— Если уж нужно говорить, — сказал он, — то я отчаянно, безнадежно влюблен в вас. Теперь вы знаете причину.

— Это мне не кажется разумной причиной, чтобы желать уйти и никогда больше не видеть меня. Как вы думаете?

— Но если я не имею права говорить вам о своей любви?

— Но вы сказали!

— Я знаю, — сказал он тоном раскаяния. — Я ничего не мог поделать! Но я не собирался говорить. Это нечаянно сорвалось. Я вполне понимаю, как безнадежно...

— Конечно, если вы так уверены, то совершенно правы, даже не делая попытки.

— Сильвия! Неужели вы хотите сказать, что вам... что вам не все равно?

— Неужели же вы действительно не заметили? — сказала она с тихим и счастливым смехом. — Как глупо!.. И как мило!..

Он схватил ее руку, которую она оставила в его руке, вполне довольная.

— О, Сильвия! Значит, вы... Значит, вам не все равно! Господи! Но какое же я эгоистичное животное! Ведь мы не можем жениться! Ведь могут пройти годы, пока я буду вправе просить вашей руки. Ваши отец и мать и слышать не захотят о нашей помолвке!

— Разве нужно, чтобы они услышали о ней теперь, Гораций?

— Да. Это нужно. Я счел бы себя негодяем, если бы не сказал хоть вашей матери.

— В таком случае вы не должны считать себя негодяем, потому что мы сейчас пойдем вместе и скажем.

Сильвия встала и пошла в следующую комнату. Обняв мать, она сказала ей полупшепотом:

— Мама, милая, это положительно ваша вина, потому что вы пишете такие длинные письма. Но... но... мы в самом деле не знаем, как это случилось... Только Гораций и я... мы как-то со-сватались. Вы не очень сердитесь, не правда ли?

— Я думаю, что вы оба крайне глупы, — сказала г-жа Фют-вой, освобождаясь из объятий Сильвии, и, обернувшись к Горацию, сказала: — Судя по тому, что я слышала, г. Вентимор, ваше положение не таково, чтобы жениться в данное время.

— К несчастью, нет, — сказал Гораций. — Пока у меня нет ничего в виду. Но удача может прийти когда-нибудь. Я не прошу у вас руки Сильвии до тех пор.

— А вы знаете, мама, вам ведь нравится Гораций! — уверяла Сильвия. — Я готова ждать его сколько угодно. Ничто не заставит меня отказаться от него, и я никогда не буду любить другого. Значит, видите, вы можете совершенно спокойно дать свое согласие.

— Боюсь, что я сама виновата, — сказала г-жа Фютвой. — Я должна была предвидеть это еще в Сен-Люке. Сильвия — наше единственное дитя, г. Вентимор, и я бы гораздо больше хотела видеть ее счастливой замужем, чем сделавшей так называемую «блестящую партию». Но тут как-то мало надежды... Я совершенно уверена, что ее отец не одобрит этого. Не нужно даже говорить ему... Он только рассердится.

— Раз вы не против, — сказал Гораций, — то вы и не запретите мне ее видеть?

— Мне кажется, я должна бы... — сказала г-жа Фютвой. — Но я ничего не имею против того, чтобы вы иногда приходили к нам, как обыкновенный гость. Только помните: пока вы не представите моему мужу документов, что вы способны содержать Сильвию, как она привыкла, формальной помолвки быть не может. Думаю, что я имею право просить вас об этом.

Было так ясно, что она права и гораздо более снисходительна, чем ожидал Гораций, — ибо он всегда смотрел на г-жу Фютвой, как на не особенно нежную и скорее светскую женщину, — что он принял ее условия почти с благодарностью. В конце концов, для него уже было достаточно того, что Сильвия отвечала на его любовь, и что ему было разрешено видаться с ней время от времени.

— Немного досадно, — сказала Сильвия задумчиво, после того, как ее мать вернулась к своему письму, а она и Гораций принялись говорить о будущем, — немного досадно, что вам не удалось приобрести хоть что-нибудь на этой распродаже. Это могло бы вам помочь относительно папы.

— Да «что-нибудь»-то я купил, только на собственный счет, — сказал он, — и не знаю, может ли это принести мне пользу в глазах вашего отца. — И он рассказал ей, как приобрел медный кувшин.

— И вы в самом деле дали за него много? — спросила Сильвия. — По всей вероятности, вы могли бы приобрести точно такой же, только лучше, у Либерти приблизительно за семь с половиной шиллингов! Вещи в таком роде не представляют для папы ничего интересного, если только они не грязны, не в ржавчине и не допотопно стары.

— А эта вещь как раз такая. Я только потому и купил ее, хотя она и не значилась в каталоге, что, мне показалось, будто она могла бы заинтересовать профессора.

— О! — воскликнула Сильвия, сжав свои хорошенькие ручки. — Если бы это было так, Гораций! Если бы ваш кувшин оказался поразительно редким и драгоценным! Я думаю, что лапочка был бы так восхищен, что согласился бы на все. Ах, вот его шаги... Он отпирает дверь. Теперь смотрите, не забудьте рассказать ему про этот кувшин.

По-видимому, профессор был не очень в духе, когда входил в гостиную.

— Мне очень досадно, что пришлось уйти и некому было занять вас, кроме жены и дочери. Но я рад, что вы остались. Да, я, конечно, рад, что вы остались.

— Точно так, как и я, — сказал Гораций и стал давать отчет о распродаже, чем не мог улучшить настроение профессора. Тот выпячивал нижнюю губу при некоторых отметках в каталоге.

— Жаль, что я не пошел сам, — сказал он. — Этот кубок, истинно прекрасный образец персидской работы шестнадцатого века, пошел всего за пять пеней! Я бы охотно дал бы десять. Вот, вот! Я думал, что на ваше суждение можно больше полагаться!

— Если припомните, вы поставили мне строгие пределы относительно цен, которые назначили сами.

— Ничего подобного! — сказал профессор с неудовольствием. — На полях я сделал только указания, не больше. Вы могли быть уверены, что приобретете вы хоть одну из этих вещей за какую угодно цену, я был бы доволен.

Гораций имел мало оснований для подобного мнения, а очень много для уверенности в обратном, но он понял бесполезность возражений и поэтому просто сказал, что огорчен таким недоразумением.

— Без сомнения, вина тут моя, — сказал профессор тоном, подразумевавшим противоположное. — И все-таки, даже оказывая снисхождения к неопытности в подобных вещах, я считал бы невозможным, чтобы кто-либо провел целый день, торгуясь у Гаммонда, и не оставил за собой ни одной вещи!

— Но, папа, — вставила Сильвия, — г. Вентимор купил-таки вещь, только на свой счет. Это — медный кувшин, не обозначенный в каталоге, однако, по его мнению, имеющий некоторую ценность. И он очень хотел бы слышать твое суждение.

— Хм! — фыркнул профессор. — Какая-нибудь медная базарная штука, по всей вероятности. Лучше

бы он сберег свои деньги. Каков на вид этот ваш кувшин? А? Гораций описал его.

— Гм. Похож на арабский «кум-кум» и, верно, употреблялся вместо лейки или для хранения розовой воды. Таких сотни, — заметил профессор ворчливо.

— На нем есть крышка заклепанная или припаянная, — сказал Гораций. — Общая форма приблизительно такова... И он сделал быстрый набросок на память. Профессор неохотно взял его, а потом поправил очки, несколько заинтересовавшись.

— Да. Форма, конечно, античная. И герметически закрытая крышка, так? Вероятно, внутри есть что-нибудь.

— Не думаешь ли ты, что там внутри сидит какой-нибудь гений, как в запечатанном кувшине, который нашел рыбак в «Арабских сказках»? — воскликнула Сильвия. — Вот была бы потеха!

— Под словом «гений» ты, полагаю, разумеешь джинна. Это более правильный научный термин, — сказал профессор. — Женский род — джинья, а множественное число — джинны. Нет, я не считаю такое предположение вероятным. Но мне представляется возможным, что в сосуде, закрытом крышкой, как описывает г. Вентимор, хранились папирусы или другие памятники, интересные в археологическом отношении и могущие оказаться в целости. Я советовал бы вам, сударь, открывать крышку с величайшей осторожностью, не давайте воздуху внезапного доступа к документам, если таковые имеются, и лучше не трогайте их руками. Мне все-таки было бы любопытно узнать, действительно ли там есть что-нибудь, и если есть, то что именно.

— Я открою как можно осторожнее, — сказал Гораций. — И что бы там ни оказалось, можете быть уверены, я вам дам знать немедленно.

После этого он скоро ушел, ободренный сияющим и доверчивым взглядом Сильвии и восхищенный тайным пожатием ее руки при прощании.

Он был щедро вознагражден за все часы, которые провел в душном аукционном зале. Счастье, наконец, повернулось к нему лицом, он был на пути к удаче, он чувствовал это в воздухе, точно веяние крыльев богини Фортуны.

Все еще думая о Сильвии, он вошел в старомодный дом, стоявший на отлете, на северной стороне Викентьевой площади, в котором он квартировал уже несколько лет. Было около полуночи, и его хозяйка, г-жа Рапкин, так же как и ее муж, уже легли спать.

Вентимор вошел в свою гостиную, уютную комнату с двумя высокими окнами, выходящими на окруженную решеткой веранду. Эта комната, которую он меблировал и отделал по-своему, не отличалась тем подавляющим безобразием, какое присуще наемным комнатам.

Было совершенно темно, потому что погода стояла теплая и камин не топился, так что ему пришлось ощупью найти спички, чтобы зажечь лампу. Когда он это сделал и осветил комнату, то первый предмет, который он увидел, был шарообразный длинно-гордый кувшин, купленный днем, теперь стоявший на крашеных половицах у камина. Его доставили с необычной быстротой.

При виде его он почувствовал какое-то отвращение. «Вещь, более гнусная, чем я думал», — брезгливо сказал он про себя. «Каминная труба была бы столь же декоративна и уместна в моей комнате. Какой я поразительный осел, что истратил на него целую гинею! Хотел бы я знать, есть ли в нем действительно что-нибудь. Он так адски безобразен, что обязан быть полезным. Профессор, кажется, воображает, что там — документы, а ведь кому же и знать, как не ему! Я, во всяком случае, это увижу, прежде чем пойду туда».

Он схватил кувшин за толстое, длинное горло и попытался отвинтить крышку, но она оставалась неподвижной, в чем не было ничего удивительного, судя по тому, каким толстым слоем лавоподобной коры она была покрыта.

— Нужно сначала соскоблить это, а потом попробую опять, — решил он и сходил вниз за молотком и долотом, которым стал сбивать кору, пока не обнажился нижний край крышки и нелепая

металлическая шишка, как будто кнопка от затвора.

Некоторое время он усиленно жал ее и потом начал сбивать крышку. Затем он зажал сосуд между колен, пытаясь снять крышку. Крышка начала поддаваться очень медленно, еще поворот — и она осталась у него в руке так внезапно, что он с силой отлетел назад и порядочно ушиб затылок об угол панели.

У него осталось смутное представление о том, что кувшин лежит на боку, а из горла его густыми клубами, шипя, валит черный дым и гигантским столбом тянется к потолку. Он ощущал также какое-то особенно острый и одурманивающий запах. «Я купил что-то вроде адской машины, меня по кусочкам раскидает по всей площади меньше, чем через секунду».

Как раз, когда он пришел к этому выводу, он окончательно потерял сознание.

Вероятно, он пробыл без памяти не больше нескольких секунд, потому что, когда очнулся, то комната все еще была полна дыма, сквозь который он слабо различил фигуру незнакомца, казавшегося ненормально, почти исполински высоким. Но это мог быть оптический обман, благодаря особенному свойству дыма увеличивать предметы, и когда дым рассеялся, то гость оказался не выше среднего роста. Он был пожилых лет, почтенной наружности, в восточном одеянии и в чалме темно-зеленого цвета. Он стоял с поднятыми вверх руками, говорил что-то громким голосом на языке, незнакомом Горацию.

Вентимор, все еще немного одурманенный, не удивился при виде его. Должно быть, г-жа Рапкин сдала, наконец, второй этаж какому-нибудь азиату. Он предпочел бы иметь соседом англичанина, но этот иностранец, вероятно, заметив дым, бросился к нему на помощь, что было по-соседски, и, вместе с тем, смело.

— Вы ужасно добры, что пришли, сударь, — сказал он, стараясь подняться на ноги. — Я не знаю точно, что случилось, но никакой беды не произошло. Я немножко разбит — вот и все. Кстати, вы, вероятно, говорите по-английски?

— Без сомнения, я говорю так, что меня понимают все, к кому я обращаюсь, — отвечал незнакомец. — Разве ты не понимаешь моей речи?

— Теперь вполне, — сказал Гораций. — Но вы сделали какое-то замечание, которые я не понял. Не будете ли добры повторить его?

— Я сказал: «Каюсь, о Божий Пророк? И никогда не вернусь к таким деяниям».

— А-а! — сказал Гораций. — Смею сказать, вы были несколько ошеломлены. И я тоже, когда открылась крышка сосуда.

— Скажи мне, это действительно твоя рука сняла печать, о чадо милосердия и добрых дел?

— Да, конечно, это я откупорил, — сказал Вентимор, — хотя не знаю, при чем тут милосердие, потому что не имею понятия о том, что было внутри.

— Я был внутри, — спокойно сказал незнакомец.

К О Н Е Ц

Скачивая сказку "Медный кувшин (3 глава)" Вы подтверждаете что будете использовать ее исключительно в ознакомительных целях и позже обязательно приобретете ее бумажный вариант.

Еще больше сказок для вас и ваших детей на сайте "В мире сказки" (vmireskazki.ru)